

Юрий КРИВОНОГОВ

СОЖЖЕННЫЕ ПИСЬМА

*(Вторая, завершающая часть повести «Лечение Колымой»)**

МЛАДШАЯ СЕСТРА

В то время, когда в семье Пушкаревых трагически оборвалась жизнь Валентины, ее младшей сестре исполнилось двенадцать лет. Светка была представительницей уже нового поколения, появившегося на свет не в довоенное, а в мирное, материально обеспеченное время. Ловкая, привлекательная в движениях ладной фигурки, она обзавелась независимым характером и походила не на мать, как Валя, а на отца.

Светка учла горький опыт сестры и не повторила ее ошибок. Если ей не нравилась приобретенная матерью обновка, она не успокаивалась до тех пор, пока вещь не переделывали по ее желанию.

– Ну, и что получилось? – негодовала Ирина Савельевна. – Попка обтянута, соски того и гляди в вырез кофточки вывалятся, приличия надо соблюдать, как ты считаешь?

– Надо, на похоронах или в церкви, – соглашалась Светка. – В школу в этой одежке не пойдешь, а в других местах можно приколно засветиться.

– Ты бы лучше у школьной доски знаниями засвечивалась!

– Успеваемость у меня нормальная по

всем предметам, на золотую медаль не иду принципиально. Знаешь, за что сейчас на тебя обижаются Валя?

– Не кощунствуй!

– Она обижается на тебя за то, что под твоим бдительным взглядом ни разу не поцеловалась с любимым парнем, с Димкой Андреевым.

– Не слишком ли много ты знаешь для своего возраста? – спохватывалась Ирина Савельевна.

– Успокойся, мамочка. У меня познания исключительно теоретические, хотя у некоторых девчонок добыты на практике.

– Прекрати сейчас же!

– Умолкаю, но остаюсь при своем мнении.

Светлана незамедлительно принимала сторону отца, если Ирина Савельевна снова и снова пыталась свалить ответственность за преждевременную смерть дочери на мужа.

– Ты всегда отдавал предпочтение Димке и никогда не уважал Немцова! – укоряла она. – Если бы Олег был уверен, что Валя непременно достанется ему, он бы защитил нашу дочь от налетчиков! Осуждаю его поведение, но и ты немало виноват в нашей семейной трагедии.

*) Начало повести было опубликовано в журнале «Новосибирск» за 2008 г. № 2(18)

Кривоногов Юрий Поликарпович. Родился 11 июля 1940 г. в г. Капчагай бывшей Казахской ССР. Образование высшее – юрист. С 1965 г. – журналист, работал в газетах всех уровней. Первые стихи опубликованы в газетах «Магаданская правда» и «Северная правда». На Колыму попал по комсомольской путёвке. Много ездил по стране, с 1980 года живёт в р. п. Чаны Новосибирской области. Автор многих книг прозы. Основные из них: «Рукотворный ад», «Крутая Колыма», «Мертвых замуж не берут» и др.

– Дмитрий на его месте предпочел бы не рассуждать, а действовать кулаками, – парировал Семен Августович. – Выражаясь твоим языком, он никогда не заявлял особых прав на Валентину, любил ее, но когда она отдала предпочтение Олегу, уехал из Новосибирска. Вполне мужской поступок.

– Сбежал от трудностей, – стояла на своем Ирина Савельевна. – За любовь надо бороться!

– Он и боролся, не зря же Валя, во всем разобравшись, потянулась к нему всей душой, судя по их переписке.

– А тебе откуда известны подробности их отношений?

– В отличие от тебя, у меня всегда находилось время для доверительных бесед с дочерью. И Светлана ко мне тянется, хотя ты и этого не замечаешь.

– Я замечаю твою пассивную позицию в семье, в то время как наша любимица непозволительно рано взрослеет, – уколола мужа Ирина Савельевна. – От Валюши я никогда не слышала таких дерзостей, на какие способна Светлана. Для нее явиться домой с танцев и в полночь не предсудительно, в то время как с Валею таких проблем не было.

– Вся ее жизнь была для нее сплошной проблемой, – подводил итог Семен Августович и прекращал на этом разговор.

Светлана имела свой взгляд на случившуюся в семье трагедию. После смерти Вали девушка осиротела и в глубине души не была такой веселой и беспечной, как внешне. Немцова считала прямым виновником гибели старшей сестры, вынашивала планы мести, иногда очень наивные, соответственно ее юному возрасту.

Трагическая смерть старшей дочери изменила в доме Пушкаревых очень многое. Семен Августович высоко ценил Дмитрия Андреева и не имел ничего против его крепких отношений с Валентиной. И в то же время не скрывал от него, что у Ирины Савельевны иные взгляды на будущее дочери, и связаны они с Олегом Немцовым – из состоятельной семьи, считающей себя к тому же интеллигентами нескольких поколений. Валентина сохраняла обидное для Димки равнодушие, словно пребывала в летаргическом сне.

Анка Ашихмина поддержала Андреева, когда он заикнулся о своем возможном отъезде из Новосибирска. Димку она любила искренне и безоглядно, однако и ей хотелось спокойно разобраться в своих чувствах к нему. А что, если все дело в Валентине, в банальном соперничестве с ней? Не станет парня перед глазами, вдруг испарится и любовь?

Ашихмина первой написала Андрееву письмо, он ответил восторженно и многообещающе. Но Анке вспомнилось, что Дми-

трий ничего ей не обещал при расставании, не клялся в любви и верности, ему тогда было не до нее. Обижаться было поздно, но неприятный осадок на душе не прошел до сих пор. Анка невольно сравнила себя с зонтиком, о котором вспоминают лишь при плохой погоде. Со временем образ Димки становился все расплывчатее и отдаленнее, она уже не тосковала о нем, а воспринимала с улыбкой, как частицу наивной молодости.

Обо всех событиях в Новосибирске Димке сообщала младшая сестра Вера. Она активно не переваривала Валентину, презирала Немцова, и в рассказах о них у нее преобладали эмоции, свойственные ее юному возрасту. Но Андреев придерживался иного мнения, обвиняя в размолвке с Пушкаревой прежде всего себя.

НАСТОЙЧИВАЯ РИММОЧКА

Постоянно упрекая Андреева за черствость, эгоизм и прочие негативные проявления, Римма Холмова утешала себя тем, что правда на свете есть, и она торжествует. Валентину жаль, но и себя тоже. Она стояла на ее пути к Димке, а кому понравится такой расклад? И надо же, нарисовалась еще и Аннушка, словно до приезда в поселок Спорный у Андреева был целый гарем из одноклассниц!

На первых порах Андреев относился к ней покровительственно, как к красивому избалованному ребенку, которому все простительно. Но ребенок рано сформировался не только телом, но и умом. Римма прилагала все усилия, чтобы Димка разглядел в ней не наивную девчонку, а взрослую девушку. Заявила на него свои права, на корню пресекла все попытки подружек установить с парнем теплые отношения, что ему на первых порах не очень нравилось. Но Холмова была настойчивой да и очень красивой, чего скрывать. Внимание такой девушки многого стоило, тем более в поселке, где преобладание парней долгое время оставалось внушительным.

– Димка, за что ты меня в упор не видишь уже третий год? – по привычке напустилась она на него при очередной встрече в клубе.

– С чего вдруг? – недоуменно пожал плечами парень. – Танцую только с тобой, до дому провожаю одну лишь тебя, и вообще....

– Когда мы встретились, мне было шестнадцать, тебе – восемнадцать. Я предполагала, что у тебя на материке могла остаться любимая девушка, и не претендовала на особое к себе отношение. Я правду говорю?

– Конечно. У нас с тобой установились

дружеские отношения, которыми я и сейчас очень дорожу.

– Для тебя, может, и достаточно таких отношений, а за себя скажу сама. Я переступаю через собственную гордость, стараюсь быть рядом с тобой? А ты?

– А что я?

– За Валею последовала Анна. Мне что, в очередь становиться за твоими однокурсницами?

– Римма, оглянись, сколько ребят приехало в Спорный, разве на мне свет клином сошелся?

– Можно бы обидеться, но ты врешь сам себе, – возразила Риммочка. – Никому меня не отдашь, и я никуда от тебя не уйду. Димка, я выросла, нравится тебе это или нет, понимай, как хочешь.

– «Как хочешь» – это отныне не для меня, – серьезно отозвался Андреев. – Я тоже повзрослел и стараюсь не руководствоваться только сиюминутными желаниями. Для начала поверь, что у меня нет никого ближе тебя.

– А Аннушка? – напомнила Холмова.

– Аннушка была в шестнадцать лет, теперь она уже Анна, и ей двадцать. В таком возрасте нередко происходит переоценка ценностей, в том числе и в личных отношениях.

– И в наших тоже?

– Они меня сейчас волнуют больше всего. Я не сторонюсь тебя, а боюсь сделать неверный шаг – и без того крепко перед тобой виноват. Говорю не ради красного словца, можешь поверить. Характер у меня такой – чувствовать постоянный долг перед теми, кто делал для меня добро, кому я небезразличен. Потом решил, что Вале без меня не обойтись, но судьба распорядилась иначе. С Анной наши отношения повисли в воздухе, а недоговоренность не в моем духе. А если честно, мне все больше хочется жить настоящим, а не прошлым.

– Димка, ты катастрофически умнеешь и вскоре начнешь мне читать стихи!

– Обязательно, и в скором времени!

После танцев Димка по традиции проводил девушку до калитки ее дома. Риммочка быстро поцеловала его в щеку и скрылась, не оглянувшись.

Андреев направился к брату, в семье которого жил. Игнат почти никогда не вмешивался в личную жизнь Димки, не досаждал ему постоянными советами и нравоучениями. Но, человек прямой и открытый, не стал скрывать появившегося у него прохладного отношения к возобновившейся переписке между Димкой и Ашихминой.

– Тебе какое дело? – вразумляла мужа Нина. – Если Димке хорошо, то нам и по-прежнему не о чем переживать.

– Да некомфортно ему, Нинуль, как ты не замечаешь очевидных фактов. Валя – это нормально в его возрасте, но зачем еще и Ашихмина? Или он и перед ней в неоплатном моральном долгу?

– У них тоже любовь была.

– Параллельная?

– Ему видней, – стояла на своем мнении жена. – Девушка отвечает на письма, значит, не позабыла, любит. Не пойму, к чему ты клонишь.

– Зачем Димке еще одна заочная любовь, если Холмова в нем души не чает? Где у брата глаза? Не иначе, на затылке.

– Римме восемнадцать, Димка у нее на виду уже третий год. И если не отшатнулась от него и при Анне, то намерения у девушки серьезные, и наш Димочка никуда от нее не денется.

– Твоими устами да мед пить.

– Я черный кофе предпочитаю.

ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК АШИХМИНОЙ

Еще в школе между ними сложились непростые отношения, столь свойственные ранней юности. Жизнерадостная, переполненная жизненными силами Ашихмина целеустремленно любила Андреева. А он все свободное время коротал в доме Пушкаревых, у их общей однокурсницы Валентины, которая, затюканная матерью, больше походила на монастырскую затворницу, чем на советскую школьницу. Анка заняла выжидательную позицию, абсолютно уверенная в бесперспективности отношений между Димкой и Пушкаревой.

Андреев долго терпел безучастность Вали к своему присутствию или отсутствию, но когда рядом с ней стал все чаще мельтешить циничный Немцов, одноклассник не выдержал, уехал из Новосибирска. И оказался в семье старшего брата в поселке Спорном, расположенном на Колымской трассе, откуда до Магадана около четырехсот пятидесяти верст.

Юный сибиряк начал вхождение в самостоятельную жизнь слесарем по ремонту станков на здешнем заводе, вырос до бригадира, поступил на заочное отделение в юридический институт.

Путь к взаимопониманию с Пушкаревой оказался долгим и трудным. Но постепенно письма девушки теплели, в них прослеживалось ее искреннее сожаление о ссоре с Дмитрием, появились живые нотки. Она сожалела об отъезде Димки из Новосибирска, всякий раз упоминая об их обязательной встрече. И в этот переломный момент погибла от ножа бандитов, причем Немцов оказался сволочью. Спасая собственную шкуру, трусливо сбежал от девушки, оста-

вив ее в руках налетчиков. Для Андреева наступили черные времена, и снова вспомнилась Ашихмина...

Аннушка охотно откликнулась на первое письмо Димки, заверила его в своей непреходящей к нему любви, в чем неожиданно для себя вскоре раскаялась. Девушки взрослеют быстрее парней, и она поняла разницу между тем, что было, и тем, что есть. Их все еще объединяло прошлое, о будущем они и не заикались, не представляя взаимно, какими стали сейчас. Вначале Ашихмина невольно сравнивала своих потенциальных поклонников с Димкой, потом ей самой стало смешно проводить параллель между взрослыми парнями и шестнадцатилетним мальчишкой. Но на письма отвечала, не желая после смерти Валентины доставлять Димке новые огорчения.

Не зная, куда девать кипучую энергию, Анка записалась в парашютную секцию при новосибирском аэроклубе. По ее убеждению, будущая выпускница авиационного техникума непременно должна подружиться с высотой, испытать себя с ней один на один. И еще девушке верилось, что здесь, где собираются те, кто влюблен в небо, быстрее отыщется парень, близкий по характеру и жизненным устремлениям.

Видимо по закону подлости, она попала в группу сравнительно молодого инструктора Василия Стремина, при первой же встрече положившего на нее глаз.

– У тебя дело пойдет, – после нескольких занятий теорией заявил Стремин и в знак особого расположения шлепнул Анну по задку.

– Я тоже так думаю, – и Ашихмина отвесила Василию такую оплеуху, что он еле удержался на ногах. – Все ясно или повторить?

– Цену себе набиваешь?

– Цену себе знаю, – спокойно ответила Ашихмина. – Со всеми своими подопечными так обращаешься?

– Ничего особенного, я же по-дружески.

– В таком случае вычеркни меня из списка своих настоящих и потенциальных подруг.

«Ломаешься, стерва! – озлобился Василий. – Ничего, еще будешь бегать за Стреминым, проситься замуж!»

Анка сочла конфликт с наставником исчерпанным и занятия в аэроклубе не прекратила. За первым прыжком последовали очередные, вскоре их в активе девушки набралось около трех десятков

...Очнулась Анна с болью во всем теле, не сразу поняла, где находится и что с ней случилось. Потом высветилась испуганная рожа Стремина, послышался его хриплый голос:

– Как, нормально? Если бы я знал, если бы ты сказала, что ни с кем... – засуетился он. – Думал, если тебе двадцать, то давно...

– Не сепети! – сдавленным голосом одернула подонка Ашихмина.

Девушка с трудом встала на дрожащие ноги, оправала платье, осмотрелась. Правильно, здесь хранятся парашюты, свой ранец она занесла последней, а потом...

– Ты чем меня оглоушил? – буднично поинтересовалась Анка.

– Кулаком, не кувалдой же. Давай договоримся так. То, что случилось, наше с тобой дело, я согласен и заявление в загс подать. Завтра отдыхай, а послезавтра у тебя зачетный прыжок. Я из тебя заслуженного мастера спорта сделаю, договорились?

Ашихмина плохо помнила, как добралась до дома, как истопила баню и долго, с остервенением терла мочалкой ставшее чужим и отвратительным собственное тело.

– Допрыгалась? – мать имела в виду усталость от занятий прыжками с парашютом.

– Допрыгалась, – Анка придала этому слову иной смысл, более подходящий в данной ситуации.

– Ты не заболела?

– Голова слегка кружится, – через силу улыбнулась Анка. – Сейчас немножко полежу, и все пройдет.

Проведя бессонную ночь, Ашихмина встала утром спокойной, вполне коммуникабельной. Позавтракала вместе с родителями, обсудила нехитрые семейные новости, проводила отца и мать на работу.

Далее оставался Димка, пути к которому теперь были окончательно отрезаны. Анна хорошо знала парня, не сомневалась, что и после свадьбы он не станет расспрашивать, что и как, а в душе затаит обиду, уязвленное мужское самолюбие. А ей гордость не позволит оправдываться, смиренно склонять голову, чувствовать свою невольную вину перед парнем, которому она в девичьей безрассудности могла бы позволить все. Но Димка даже в мыслях был далек от подобных намерений, краснел, если замечал грудь в разрезе платья или высоко обнаженные ноги, чем его Анка частенько и поддразнивала. Ашихмина понимала и трагичность того, что первым мужчиной у нее оказался насильник и негодяй. Анка в принципе не была ханжой, и первый сексуальный опыт ей представлялся совершенно иным, с любимым человеком, а не с прожженным бабником. И лучше потерять все, чем цепляться за остаток бывшего благополучия.

...Василий встретил девушку на летном поле, внимательно посмотрел ей в лицо, осведомился:

– Все нормально?

Не отвечая, Анка уставилась взглядом себе под ноги, набираясь мужества перед отчаянным шагом, на который окончательно решилась.

В воздух их поднялось четверо, Стремин – пятый, и еще два летчика в кабине.

– Я последней прыгаю, – предупредила Анка, едва самолет достиг нужной высоты.

Когда настал ее черед, Ашихмина шагнула к двери, сбоку от которой стоял Василий.

– Ну, пошла! – успел проговорить он перед тем, как девушка мгновенно схватила его за пояс и стремительным броском вышвырнула из самолета. Послышался короткий вскрик, и тело инструктора стало быстро уменьшаться в размерах, без парашюта полет стремителен.

После этого Ашихмина шагнула к открытой двери и вывалилась наружу. Она летела с открытыми глазами, позабыв о спасительном парашюте. Анна ждала встречи с землей, как избавления от всех обид и мучений.

И земля приняла Анку – нет, не в объятия, а на свою твердую равнодушную грудь.

«МЫ ЖИВЁМ ПРИ КОММУНИЗМЕ»

– У меня есть идея! – повстречавшись в цехе с механиком Толочко, своим бывшим бригадиром, провозгласил Андреев вместо приветствия.

– Изрекай, – отозвался Николай.

– В целом задумка такая, – зажегся парень. – Надо организовать вечер «Мы живем при коммунизме». Заходишь в клуб, над оформлением помещения подумаем, а там нарядные веселые люди, музыка и все прочее. Напитки, книги, открытки, конфеты, причем бесплатно, коммунизм же! Деталями и подробностями обростем по мере созревания замысла, а за основу принимается?

– Це дило трэба разжуваты, как подумал крокодил, захватив в пасть олененка, – осторожно заметил Толочко.

Поселковой молодежи намечаемое неординарное мероприятие пришлось по душе и быстро окрепло энтузиастами, советчиками, исполнителями.

Центральной фигурой вечера отдыха был Толочко. Он дал людям возможность освоиться с обстановкой, обменяться впечатлениями, затем подошел к большому стенду у стены, и говор в зале постепенно стих. В данный момент Николай выступал в роли экскурсовода по музею, где демонстрировались предметы докоммунистического прошлого нашей страны.

– Вот этот малознакомый нам сосуд, – указал он на пустую водочную поллитровку, – был предназначен для напитка, называемого... называемого...

Толочко сделал вид, что не может вспомнить мудреное словцо, и кто-то из зрителей, давясь смехом, подсказал:

– Водкой он назывался!

– Да? – удивился Николай. – Простите, товарищ, вы кто будете по образованию – историк или археолог? Откуда такие глубокие познания старины?

Поскольку спрашиваемым оказался Егор Саламатин, обремененный всего лишь начальным образованием и пагубной страстью к возлияниям, смех возобновился на более высокой волне. И веселились не столько над Егором, сколько над Толочко. У него был предельно серьезный вид человека, обескураженного якобы собственным промахом.

На стенде были помещены портсигар, картонный кастет, мелкие денежные знаки и еще множество предметов, оказавшимися ненужными в коммунистическом обществе. И каждому из них Толочко дал соответствующую характеристику, заставившую людей то и дело раздражаться дружным смехом.

Не обошлось и без главного сюрприза. Дав присутствующим потанцевать, поговорить по душам, освежиться напитками, Николай снова попросил минутку внимания.

– До сих пор мы с вами говорили о конкретных предметах, – напомнил он. – А теперь давайте обратим внимание на вещизм, стремление к богатству как позорное явление, не свойственное человеку сегодняшнего дня. Прошу!

И в зал вошла первая красавица Спорного Риммочка Холмова, но в каком виде! На ней ярсами было надето несколько платьев, халатов и кофточек. Голову девушки венчали три шляпки поверх цветастых платков и шалей, неизвестно как удерживающиеся на пышной прическе. И наконец, Холмова со всех сторон была обвешена подстаканниками, бусами, ковшиками, корбочками, свертками и пузырьками. В одной руке она держала чемодан, в другой – набитую до отказа авоську. Боясь, как бы все это сооружение не рухнуло на пол, Толочко поторопился с разъяснениями.

– Смотрите, товарищи, как выглядел замшелый собственник на заре коммунистической эры, – с осуждением произнес он. – Движимые проклятыми пережитками капитализма, такие закоренелые собственники тащили в свои квартиры все, что попадало им на глаза, благо, за это теперь не надо платить теми разноцветными бумажками, которые вы только что видели в нашем музее. Нам с вами трудно поверить в такое убожество личности, но от исторической правды никуда не уйдешь.

По знаку Толочко Холмова поволокла свое добро в одну из подсобных комнат.

Николай выждал некоторую паузу и с гордостью произнес:

– Теперь обратите внимание на наши материальные потребности, скажем так, в кругу семьи, родных и близких людей!

И снова взорам присутствующих явилась Холмова, произведя огромное оживление, особенно среди мужской части зрителей. Ее невысокую, но удивительно пропорциональную фигурку плотно облегал голубой купальник. На точеных ножках – легкие туфельки, прическа украшена пышным бантом.

Димка оказался в шоке! Да, Холмова была острой на язычок, могла одеться с явным вызовом к пуританской моде, но позволить себе такое на глазах десятков людей! Не на пляже у реки Оротукан, протекающей на окраине поселка, а в клубе, при ярком свете!

Только Николаю могла прийти в голову идеи уговорить Холмову на поступок, несоместимый с поведением девушки, думающей о своей репутации. Возмущенный до предела, Димка направился к выходу из клуба, дав себе слово никогда не общаться ни с коварным Николаем, ни с предсудительно легкомысленной девушкой.

Игнат и Нина заметили, какое удручающее впечатление произвело на Димку появление Холмовой в столь экстравагантном наряде, и тоже поспешили домой.

– Кажется, Николай поступил не лучшим образом, – заметила Нина по пути.

– А, на мой взгляд, и ты, и брат поднимаете бурю в стакане воды, – осторожно возразил Игнат. – Холмова молодец, и в чем ее вина? Щеголяете же вы на Оротукане, где дикий пляж, в купальниках и считаете это нормальным явлением.

– Пляж – это одно, а клуб – совсем другое, – не уступала жена.

Дмитрий был мрачнее грозовой тучи, Нина не видела его в таком состоянии с тех пор, когда вслед за одной трагедией на него обрушилась другая.

– Почему я такой невезучий? – вздохнул парень, когда первая горечь от нанесенной ему обиды прошла, но на душе все еще оставался неприятный осадок.

– Брат, будь справедливым! – бодро отозвался Игнат. – Римма и появилась-то в купальнике всего на пару минут, сама смутилась и убежала.

– Надо было раньше смущаться! – возразил парень.

– Дима, – вмешалась Нина, – пойми, иногда нам, женщинам, хочется вызвать к себе всеобщее восхищение, чтобы нами любовались и нас любили. Скажи честно, у Риммы есть на что посмотреть?

– Да я в ее сторону теперь и под дулом пистолета не гляну!

В переполненный страстями вечер Дим-

ку переубедить не удалось. Он твердил, что Римма его предала и ему теперь нет до нее никакого дела. Ему было горько от собственной ревности – скорее абстрактной, чем конкретной. Риммочка снова все усложнила, спрашивается, ради чего?

Понедельник для него выдался поистине тяжелым днем. Столкнувшись в цехе с Толочко, Димка сделал вид, что отныне Николай для него не существует, хотел пройти мимо, но тот остановил его, подхватив под локоть.

– Подожди, – негромко произнес Толочко. – Мне вчера сказали, что ты исчез из клуба еще до окончания вечера.

– Правильно сказали, – Димка смотрел мимо недавнего приятеля, рывком освободив руку.

– Почему?

– Я обязан перед тобой отчитываться? – вспыхнул Андреев. – Хоть ты и мой начальник, но лезть в душу и воспитывать не имеешь права!

– Никто тебя не собирается воспитывать, – примирительно произнес Толочко. – Не предупредил заранее относительно Холмовой, виноват. Думал, она сама согласует с тобой свое участие в коронном номере, и просчитался.

– А почему именно Холмова щеголяла в купальнике, а не Катька Степанова или кто-либо из их подружек?

– Дима, разве может быть у девушки коммунистического общества такое удручающее, тусклое лицо, как у Степановой? – резонно заметил Николай. – Посмотрев на ее постную физиономию, парни точно отказались бы от построения светлого будущего, им хватает более симпатичных подружек в нынешнее время.

Андреев перестал ходить на танцы, засел за учебники, впереди уже четко обозначились экзамены за третий курс. С Холмовой повстречался случайно, когда возвращался из библиотеки с увесистыми томами основоположников марксизма-ленинизма, изучение которых тогда ставилось во главу угла всей юриспруденции.

– Здравствуй, Дима, – девушка выглядела смущенной, не предполагая ответной реакции парня.

А он отметил усталость на ее лице, озабоченность и еще целую гамму чувств, ранее ей не присущих. У него защемило сердце от вспыхнувшей жалости, захотелось обнять и приласкать Риммочку, но случай с купальником был слишком свеж в его памяти, и он сдержался.

– Здравствуй и до свидания, – бесцветным голосом произнес Андреев. – Извини, спешу.

– Да вы что, договорились? – со слезами на глазах воскликнула Римма. – Мама три дня пила валерьянку, валидолом за-

кусывала, теперь почти бойкот объявила. Только и слышишь: «Садись обедать», «Пора ужинать», «Извини, я устала», словно никаких других слов у нее для меня не осталось. И ты тоже весь ледяной из себя, силу воли демонстрируешь. Смотришь так, словно я закоренелая преступница.

И Холмова удалилась, даже не оглянувшись.

СНОВА НЕМЦОВ

Андреев решил привести в порядок производственные дела, о чем завел разговор с братом в один из вечеров, еще задолго до ссоры с Риммой.

– В моей бригаде из ветеранов почти никого не осталось, – начал Димка. – Одни ушли на пенсию, другие перебрались на материк. Теперь смотри, какой расклад получается. Трое ребят окончили профтехучилище, в станках разбираются вполне нормально. У Гришки Лоркина за плечами индустриальный техникум – готовый бригадир, зачем держать парня в слесарях?

– Ты прав, – согласился Игнат. – Оставишь бригадирство, чем займешься?

– Меня к себе парторг Лучников вызывал, – пояснил младший брат. – Посоветовал подумать о вступлении в партию, намекнул, что для моего дальнейшего роста этот шаг имеет немалое значение.

– И куда собираешься расти, в каком направлении?

– Федор Федорович рассказал еще вот о чем. Инспектор отдела кадров завода по возрасту приближается к шестидесяти годам, будет вакансия. Какие у тебя соображения по этому поводу?

– Думаю, самое время тебе купить кожаный портфель с двумя замками и усиленно питаться, чтобы для солидности брюшком обзавестись. И походку соответствующую отрабатывай – носишься, никакого авторитета!

Поработаешь пару месяцев с опытным кадровиком и вполне сможешь его заменить. Я слышал, на заводе собираются организовать юридический отдел, договоры с поставщиками и заказчиками оформлять, а юристов в поселке уже сейчас не хватает. Для тебя может открыться широкое поле деятельности.

...Потеряв вслед за Валею и Анку, Андреев вновь вынужден был перекраивать себя под новые обстоятельства. Но не запаниковал, не пал духом, как в первом случае, только затвердел душой и решил впредь никому из девчат не верить. А эффективных соблазнительниц намеревался обходить вообще стороной, все красавицы одинаковы, любят только сами себя. Как после всего случившегося общаться с Холмовой? И что случилось с Аннушкой, неужели

и здесь без Немцова не обошлось? Он ведь и к Ашихминой пытался приклеиться! Димке и в голову не приходило, насколько он близок к истине в своих абсурдных на первый взгляд предположениях.

Получив от Ашихминой очередной унижительный отпор, Олег затаил на нее лютую злобу, посчитав себя незаслуженно обиженным и оскорбленным. И решил отомстить и ей, и Андрееву, который постоянно оказывался досадной преградой на его жизненном пути. Постепенно коварный замысел стал превращаться в реальный план, и Немцов приступил к осуществлению задуманного.

Он познакомился с Лизой Шинкевич, которая тоже увлекалась прыжками с парашютом, причем была в одной группе с Ашихминой. С Василием Стремным у нее случился коротенький роман, в крушении которого Лиза почему-то обвинила Анну.

– Знаю упомянутую тобой особу, – пренебрежительно обронил Немцов, – в одном классе учились.

– Она действительно такая недотрога или на публику играет? – первым делом осведомилась Лиза, и Немцов понял, что наступил его звездный час.

– Кто недотрога, Ашихмина? – как можно искреннее удивился он. – Пробу негде ставить, еще с восьмого класса!

– Врешь, – не поверила собеседница. – Все вы так говорите, когда получите от ворот поворот.

– Не веришь? – оскорбился Олег. – Я потому и расплевался с ней, что надоела и днем, и ночью. Хочешь, я тебе все родинки перечислю на ее теле?

Немцов практически ничем не рисковал, твердо зная одно: Анка непомерно горда и не согласится, чтобы ее осматривала Лизка, которую она открыто игнорировала.

Ложь Немцова упала на хорошую почву. Некоторым девушкам приятно сознавать, что есть среди них такие, кто упал еще ниже, чем они сами. И когда Стремин в очередной раз нарвался на грубость со стороны Ашихминой, Шинкевич решила отыграться за свое поражение.

– Снова намылился, а бриться не пришлось? – издевательски поинтересовалась Лиза. – Я познакомились с ее одноклассником, который спал с ней в пятнадцать лет, съел? А потом Анька расстилалась перед его другом, тоже истинная правда. У таких девок мужчины не выпрашивают милости, а берут свое, хотя ты на это не способен.

Шинкевич говорила достаточно убедительно, и Стремин поверил ей. Выпил для храбрости двести граммов, подкараулил Ашихмину в уединенном помещении и изнасиловал. Когда понял, какую ошибку совершил, до икоты испугался, но было поздно что-либо исправлять. Анка сама

расставила все по местам, половинчатых решений она не признавала.

И на этот раз Олегу все сошло с рук. Правда, при очередной встрече Лизка врезала ему пару раз по морде, на том они и расстались. Немцов не мучался угрызениями совести, торжествовал, не подзревая, какие грозовые тучи сгущаются над его головой.

Прекратив отношения с Шинкевич, Олег озаботился новой подружкой и ради знакомства с таковой стал ходить на танцы в ту же разновозрастную компанию, к которой принадлежала и Света Пушкарева. В этом не было ничего особенного, поскольку он жил в непосредственной близости от «тырла», импровизированной танцплощадки по субботним и воскресным вечерам.

Постоянно шпионившая за своим ненавистным недругом Светлана сразу заметила зарождающиеся симпатии между ним и старухой, по ее меркам, двадцатидвухлетней Машей Кругляковой, перекрестившей себя в Марину.

Об этой семье знали во всем микрорайоне благодаря их собаке. Глава семьи где-то раздобыл огромного пса, по слухам, помесь овчарки с волком. Пират, так назвали свирепого зверя, ненавидел даже хозяев, но терпел их короткое присутствие рядом с собой, за исключением Маши. При ее виде задыхался от душившей его злобы, кидался на нее, не подпуская к себе ни на шаг.

Днем волкодав сидел в конуре, ночью гулял на длинной цепи, достающей и до лавочки, которая стояла возле крыльца. Здесь Мария и Олег завершали свои свидания, иногда расставаясь под утро. Поэтому ее отец, желая поскорее выдать дочь замуж, учел и это обстоятельство. К проушине щеколды, запирающей будку, была привязана прочная бечевка. Проводив Олега, Мария дергала за нее и быстро скрывалась в сених. Пес выскакивал наружу и в бессильной ярости хрипел, носясь по ограде.

Несколько раз, тайком проследив за парочкой, Светка наметила план действий. Ей долго не хватало решимости, но когда вслед за Валей погибла и Анна, ее терпению пришел конец. Когда Машка-Марина снова оказалась на лавочке в обществе Немцова, Светка огородами приблизилась к дому Кругляковых, перелезла через невысокую ограду. Обмирая от страха, в плотной темноте все же нащупала свернутую кольцом тонкую веревку. Подобрала ее и так же тихо стала отступать к забору. До него оставалось метра три, когда бечевка натянута. Но выбора у мстительницы не оставалось. Она изо всех сил дернула за веревку, вслед за собачьим лаем послышались дикие вопли. Торопливо смотав конец

веревки в клубок, Светка швырнула его в сторону конуры и в одно мгновение преодолела забор. Ее десятиминутного отсутствия на танцплощадке никто не заметил. Одинокий фонарь на деревянном столбе освещал небольшую клочок утоптанной множеством ног земли, все остальное тонуло во мраке. Парочки то и дело покидали его, через какое-то время возвращались, никому ни до кого не было дела. Таким образом, у Светы имелось железное алиби, но при расследовании происшествия у Кругляковых о ней и не вспомнили, списали все на несчастный случай. К тому же при осмотре места происшествия так и не удалось выяснить, с какой стороны дергали за бечевку, поскольку она лежала возле будки.

Волновалась и переживала Светлана только дня три после своего отчаянного поступка. В содеянном не раскаивалась, опасалась лишь одного: как бы не дошло до родителей, особенно до отца, которого любила больше, чем мать. Ей и в голову не приходило, что она совершила самое настоящее уголовное преступление, за которое несовершеннолетних подростков не в тюрьму определяют, а направляют в колонии для исправления. Девушка была уверена в том, что всякая месть хороша, если действовать по справедливости, защищая правду.

Волкодав едва не загрыз Немцова до смерти, ему не сразу удалось вырваться и откатиться в сторону, куда не доставали страшные клыки. Олег выжил – с глубоким рваным шрамом на лице, покалеченной левой ногой. Несмотря на все усилия медиков и хлопоты родителей, сын остался калекой, при ходьбе сильно припадал на изувеченную ногу, при волнении начинал заикаться. Во всем обвинили Кругляковых, но до суда над ними дело не дошло. Пирата у них забрали, хозяев крупно оштрафовали. Немцов окончательно забросил институт, часто напивался, его злобе на весь белый свет не было пределов.

Юная мстительница не выдала себя ничем и перед отцом с матерью, хотя они заметили ее поднявшееся настроение и торжество в ее глазах. Решили, что Светка в очередной раз влюбилась, чтобы через неделю забыть имя своего избранника. С ровесниками она не церемонилась, с парнями старше себя держалась настороженно, зная ту грань, переходить которую не следует.

О трагедии Немцовых Димка узнал из письма Веры, которая постоянно держала брата в курсе новосибирских новостей и событий, имеющих к нему непосредственное отношение. Возмездие, постигшее Олега, Андреева не обрадовало, но и должного сочувствия не вызвало.

– Снова все произошло без моего уча-

ствия, – заметил Андреев в кругу семьи. – Интересно, так и будет продолжаться, или все же смогу сам влиять на собственную судьбу?

– У справедливости свои законы, – философски заметил Игнат. – И есть в поселке один человек, который нуждается в ней, а не в твоей милости или прощении. А ты тешишь свое самолюбие, я тебя не понимаю, брат.

– Я тоже не люблю себя сегодняшнего, – признался Димка.

– Тогда определись, каким хочешь быть завтра, – посоветовала Нина. – Испытаний на твою долю досталось немало, теперь настала пора радоваться жизни и любить тех, кому ты нужен и дорог.

– Я постараюсь, – тихо ответил Андреев. – Мне есть для кого стараться.

Димка все яснее ощущал, что взрослеет, прощается с ранней юностью. Ему все меньше хотелось копаться в прошлом, выискивать и препарировать ошибки и потери, погружаясь в самобичевание. Хранил верность Валентине, восстанавливал полуразрушенные мосты с Аннушкой, не преуспел нигде, оказавшись, по сути дела, в роли стороннего наблюдателя. А дальше? Есть трогательная Риммочка, но простит ли она его долгие раздумья, захочет ли сократить им же установленную дистанцию между ними? Да и порядочно ли было с его стороны любить Валу, а держать в уме Аннушку? Потеряв Ашихмину, наконец-то вспомнить про Холмову? Будь, что будет, но хотя бы извиниться перед Риммой надо, не претендуя на большее, если она не пойдет на примирение.

СОЖЖЕННЫЕ ПИСЬМА

Уточнив в регистратуре поликлиники, что у Алевтины Клементьевны ночное дежурство в больнице, Андреев пришел к Римме с пухлой папкой в руках.

– Здравствуй, я так по тебе соскучился! – помня настоящий наказ Нины быть ласковее, он привлек девушку к себе, ожидая с ее стороны резкого отпора, презрительных слов. Но она смотрела на него в тревожном молчании. – Риммочка, тебе придется знакомиться со мной заново. Того Димки, который существовал еще вчера, больше нет.

– А какой есть? – подняв лицо, девушка посмотрела ему в глаза. – Какой есть, и чего от него ожидать?

– Есть нормальный, без вывихов парень, который очень тебя ценит и никогда больше не обидит.

Андреев подхватил Римму на руки, она не сопротивлялась, но как-то жалобно и

умоляюще смотрела ему в лицо, с тревогой ожидая развития событий.

– Риммочка, это совсем не то, о чем ты подумала! – поняв ее состояние, засмеялся парень, опустив девушку на землю. – Я вот так буду всю жизнь носить тебя на руках, сдувать пылинки, как ты того заслуживаешь. Только сейчас понял, как ты мне нужна и в каком я неоплатном долгу перед тобой! Или прости, или убей до смерти, только не презирай!

– Димка, признайся, что ты никому не говорил таких слов, – прошептала Холмова. – Говорил или нет?

– Нет! – твердо заявил парень. – До сегодняшнего дня у меня таких слов в запасе не имелось, а увидел тебя, они и набежали, уселись на язык. Согласна, моя отрада и утешение, на мое предложение?

– Нет! Если всегда буду возлежать на твоих руках, то от неподвижного образа жизни у меня отнимутся ноги, я стану толстой бабищей.

– Есть панацея от всех наших проблем – свадьба. Пойдешь замуж за такого несерьезного индивидуума, как я?

– Ох, Димка, если и на этот раз сведешь все к шуточкам, то не покончу с собой, не радуйся заранее! Придушу тебя и докажу, что ты всегда был задохлый.

– Римма, я пришел к банальному выводу, что ошибки надо по возможности исправлять, а не усугублять. Моей вины в смерти Вали и Анны нет, твоей тоже. А теперь подадимся во двор, где у вас есть затишек от ветра?

Андреев прихватил папку, они вошли в ограду, за домом нашлась короткая лавочка.

– Сейчас собственными глазами убедишься, как будет гореть мое прошлое.

Димка развязал папку, вытряхнул на землю ворох конвертов, в его руке появился коробок спичек.

– Может, не надо? – догадавшись о его намерениях, негромко произнесла Римма.

– Я все обдумал, – спокойно отозвался Андреев, поднося горящую спичку к письмам. – Тех, кто их писал, уже нет, тот, кому они предназначались, стал другим. Девчата поймут меня и не осудят.

– А мне почему-то страшно! – поежилась Римма, заморожено глядя на огонь, пожирающий исписанную бумагу. – Здесь ведь еще и фотографии.

– Быть наполовину честным и чистым нельзя.

Димка осторожно обнял Риммочку, дождался, пока письма окончательно не превратились в пепел.

– Если бы ты знал, как я рада, что мы снова вместе, – негромко проговорила девушка. – Я постараюсь вести жизнь, достойную нас, во мне тоже много наносного.

Димка, никогда не стану тебя пилить, если задержишься на работе, и интересоваться, какая сволочь названивает тебе по вечерам.

– Авансом готова простить мне все? – не поверил Андреев.

– Нет, заранее предупреждаю, что прощу все, помимо лжи и подленькой измены. Выслушай до конца мою жизненную программу, вдруг она тебе не понравится. Окончу институт, буду работать, а кем – смотря по обстоятельствам. Но главной моей обязанностью навсегда останется быть тебе любящей, заботливой женой, ласковой матерью для наших детей. И не надо обвинять меня в мещанстве, приземленности намерений. Мы с тобой не обделены внешностью и обязаны иметь хотя бы четверых красивых детей, воспитать их настоящими людьми. Тебя такая перспектива устроит?

– Да любой нормальный мужчина об этом может только мечтать! Теперь все зависит от тебя.

– В каком смысле?

– В Новосибирск без тебя не поеду. Попробуй уговорить Алевтину Клементьевну, пусть отпустит тебя со мной. Тебе надо поступить в медицинский институт, мне – решить некоторые дела, касающиеся нас обоих. Посмотрим на месте и решим, где нам жить, в Новосибирске или в Спорном.

– Дима, маме ничего не говорю, но с медицинским институтом у меня ничего не получится, только сейчас дошло. Заочного отделения в этом вузе нет, в Магадане такого высшего учебного заведения еще не организовали. Если вернемся сюда, где мне продолжать учебу? А, скажем, пединститут есть и в Магадане, нечего и голову ломать.

– Как на это посмотрит Алевтина Клементьевна?

– Мама пророчила мне театральный институт, у меня хватило ума вовремя одуматься, реально оценить свои способности. Потом ей захотелось видеть меня медиком, но я и этой идеей не загорелась. К тому же после пединститута не обязательно работать в школе, варианты будут.

– Гора с плеч свалилась, – признался Димка. – Уже поздно, скоро Алевтина Клементьевна с дежурства возвратится, неудобно получится. Ее нет, а я торчу в вашем доме.

– В ограде дома. Димка, у нас все будет хорошо, мы заслужили свое счастье.

– Я тоже так думаю, – согласился Андреев и расстался с девушкой в прекрасном настроении.

При ночном размышлении Андреев понял, что в его жизни начался едва ли не самый важный отрезок. Прежние принципы и убеждения пришлось основательно

подкорректировать, некоторые поменять местами, поступиться тем, что еще вчера казалось незыблемым и единственно правильным.

После откровенного разговора с любимой девушкой Андреев долго не решался встретиться с ее матерью. Неизвестно, поверит ли умная образованная женщина его скороспелому перерождению, не сочтет ли их планы несерьезными и легковесными. Но время отпуска приближалось, от обстоятельной беседы с Алевтиной Клементьевной зависело многое.

– Да не бойся ты! – подбодряла Римма, когда они вечерней порой направлялись к ее дому. – Основной всплеск маминых эмоций я приняла на себя, и мне удалось ее не только успокоить, но и настроить на нужный лад. Впрочем, не маленький, разберешься, как положено мужчине.

Алевтина Клементьевна выглядела уставшей, для нее намечающиеся серьезные изменения в жизни дочери явились в определенной мере неожиданностью, и не поймешь – приятной или не очень.

Они устроились в гостиной, Дмитрий молчал, понимая, что его пригласили не задавать вопросы, а отвечать на них.

– Молодые, энергичные, – посмотрела на присмирившую парочку Алевтина Клементьевна. – Поставили меня перед фактом, подумать некогда.

– Я, извините, вас не тороплю, – спешил обозначить свою позицию Андреев. – С Риммой мы все обсудили, теперь решение за вами.

– Мама, – пришла на помощь парню Риммочка. – Мне-то ты доверяешь?

– Ты выросла, и от этого никуда не денешься, – отозвалась мать. – Меня, не стану скрывать, не совсем устраивает намечаемое вами совместное путешествие в Новосибирск. Вначале хотела категорически воспротивиться этому, потом пришла к выводу, что ничего этим не добьюсь. Уедете по отдельности, а кто вам может помешать встретиться в Новосибирске? Дима, Римме надо непременно поступить в институт, а другие свои дела успеете уладить потом, у тебя же отпуск до глубокой осени.

– И поступлю, и определюсь в студенческое общежитие, – заверила дочь. – Это предложил Дима, а он от своих решений отступать не привык.

– Рассуждаете вы умно, но все равно тревога на душе, – призналась Алевтина Клементьевна. – Вот что, мои дорогие и счастливые, в Спорный вы в любом случае должны вернуться, если даже выберете на постоянное место жительства Новосибирск. Помните, я здесь остаюсь одна, и мы должны сообща решить, как поступить в дальнейшем. На этом и остановимся,

новые времена, новые нравы, новые решения проблем.

– Вспотел, словно мешки с песком на пятый этаж таскал, – признался Дмитрий, когда после прощания с Алевтиной Клементьевной они вышли на улицу. – Ума не приложу, как мог прожить без тебя больше двух лет.

– Димка, мы ведь хорошие люди, правда?

– Ты всегда была чудесной девушкой, а я чуточку исправился благодаря тебе.

– Не совсем так, но все равно приятно.

СПЛОШНЫЕ СЮРПРИЗЫ

«Здравствуй, моя любимая, самая красивая на всей земле мамочка! Горячо тебя обнимает и бесцельно раз целует твоя непутевая и страшно счастливая дочь Римма!

Прежде всего, прошу прощения за то, что молчала целых три недели, именно столько времени прошло с моего последнего письма, отправленного тебе. Время летит быстро, и даже не верится, что мы с Димкой живем здесь четвертый месяц.

Мама, в моем сегодняшнем послании будут сплошные сюрпризы, но хорошие, так что приготовься и не волнуйся.

На третий день после приезда в Новосибирск Дима повел меня в загс, где мы подали заявление на регистрацию брака. Там дама в очках и с криво накрашенными губами стала придираться ко всяким формальностям. У нас, мол, нет прописки в городе, нет постоянного жилья и т. д. И я впервые увидела тогда еще будущего мужа совершенно иным. Он не горячился, не перебивал строгую женщину, а спокойно объяснял ситуацию. Его отфутболивали в различные инстанции, мы писали бесконечные заявления и объяснения, собирали справки, но наше заявление все же приняли — с двухмесячным испытательным сроком.

После зачисления в институт меня из общаги попросили как не имеющую постоянной городской прописки. О том, чтобы я скиталась по чужим углам, мой супруг (слово-то какое!) и слушать не хотел. Он привел меня к своим родителям, познакомил как свою жену. Мария Кондратьевна, Димкина мама, от неожиданности и радости заплакала, отец, Сергей Кузьмич, смущенно кряхтел и смотрел на меня так, словно я индийская принцесса или вообще неземное существо. Зато Вера, младшая сестра Димы, бросилась мне на шею, стала всячески выражать свой восторг. Мы с ней сразу подружились – к немалому удовольствию моего мужа (!).

Мамочка, ты не представляешь, какой он замечательный, с чистой душой парень! Домик у них небольшой, в одной комнате живут родители, в другой – Вера. Мне в ее комнате поставили кровать, а Димка на ночь устраивался на раскладушке в кухне. И только после регистрации, когда мы устроили по этому случаю небольшое семейное торжество, Вера перешла в комнату родителей. Извини за интимные подробности, но разве такой зять не достоин твоего уважения?

Словом, ни с работой, ни с жильем у нас здесь проблемы не будет. Мы на всякий случай присмотрели неподалеку хороший дом, если не нам, то Игнату с Ниной может пригодиться.

Новосибирск – город молодой, большой и шумный. Если тебя интересует наше с Димой мнение, то и тебе нужно перебраться сюда. Я по тебе очень соскучилась, ты меня не оставляй, и Дима мечтает, что мы будем жить вместе. Подумавай над нашим предложением, ну куда мы без тебя?

По моему настоянию мы побывали на могилах Вали и Анны, провожающей была Вера. Они похоронены на разных кладбищах, на этом настояли их родители. Я попросила у них прощение за то, что так бессовестно счастлива с Димкой. А он не проронил ни слова, только крепко прижимал меня к себе, словно боялся потерять.

От Веры мы узнали о дальнейшей судьбе Немцова. Та особа, в ограде которой собака чуть не загрызла Олега, испугалась, что ее посадят за решетку, и выскочила за него замуж. Вера говорит – корова коровой и вроде бы поколачивает своего мужа.

По моей просьбе Вера познакомила меня со Светой Пушкаревой. Современная девчонка, себе на уме. Ко мне отнеслась ревниво, словно у нее были серьезные виды на Димку, но потом оттаяла и пригласила к себе в гости. Я вежливо отказалась, и Дима меня поддержал.

Такие, мамочка, у меня новости. Не скучай, вскоре приедем к тебе, нам нужно о многом поговорить, решить целую кучу проблем. Целуем крепко тебя – я и Дима. Его родители, а главное Вера, передают тебе огромный привет, а Мария Кондратьевна уже называет тебя сватьей. Слово-то какое смешное – сватья! А я – сноха, того не лучше! Я Марию Кондратьевну и ее мужа называю просто на «вы», еще не привыкла к своему статусу их невестки».

Алевтина Клементьевна аккуратно положила письмо в конверт, решив завтра же навестить Игната и Нину, побеседовать с новыми родственниками, рядом с которыми ей не будет теперь одиноко.